

А. Лебедев

Зачем бы нам нужен патриарх

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. Лебедев**
Зачем бы нам нужен патриарх / А. Лебедев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 61 с.

ISBN 978-5-458-56053-5

ISBN 978-5-458-56053-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Жизнь христіанскаго общества, какъ и всякаго другаго общества, должна имѣть прогрессъ, движеніе впередъ, развитіе. Если допустить, что такого прогресса въ ней нѣтъ, то трудно будетъ сказать: зачѣмъ, съ какою цѣлю, стали бы изучать ее? Несомнѣнно, исторія интересуется человѣка настолько, насколько она связываетъ прошедшее съ настоящимъ, поскольку указываетъ, какъ далеко настоящее опередило прошедшее, дало ли оно жизни бѣльшій смыслъ и обезпечило ли благополучіе человѣка. Изучать же просто, какъ люди въ разное время жили, во что напрімѣръ вѣровали, какихъ религіозныхъ направленій держались, какъ глубоко и въ какихъ отношеніяхъ заблуждались въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ, если и можетъ имѣть интересъ условный, но не можетъ имѣть научнаго интереса. Для того же, чтобы церковная исторія, какъ совокупность жизненныхъ фактовъ религіозной природы, могла возбуждать глубокой и серьезный интересъ, для этого наблюдатель и изслѣдователь долженъ замѣчать, что церковно-историческая жизнь не стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, а подвигается впередъ, къ лучшему или усовершенствуется. Во всѣхъ сферахъ своей жизни исторической человѣкъ стремится осуществлять какіе-либо идеалы: степенью достиженія цѣли при стремленіи осуществлять эти идеалы и опредѣляется прогрессивный ходъ исторіи человѣчества. Общество человѣческое въ религіозно-христіанскомъ отношеніи тоже должно восходить, говоря словами св. апостола, *отъ силы въ силу* или имѣть прогрессъ. Въ чемъ же, въ дѣйствительности, заключается такой прогрессъ церковно-исторической жизни?

Какъ извѣстно, въ настоящее время существуетъ три главнѣйшихъ христіанскихъ церкви: наша православная церковь, иначе называемая православно-восточною, римско-католическая или папская, и евангелическая или протестантская. Въ чемъ же и гдѣ эти церкви полагаютъ прогрессъ церковно-исторической жизни? Въ разрѣшеніи подобнаго вопроса больше другихъ счастливы историки протестантской церкви, менѣе римско-католическіе, и еще менѣе историки православно-восточной церкви, разумѣя подъ именемъ этой послѣдней не одну русскую, а и всю вообще греко-восточную церковь.

Есть-ли, существуетъ ли прогрессъ въ церковно-историче-

ской жизни, на этотъ вопросъ протестанты или ихъ церковные историки отвѣчаютъ съ большою увѣренностію: да, есть. Ежели церковно-историческая жизнь въ эпоху древней и средневѣковой церкви, по ихъ представленію, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе затемняется, если въ ней чѣмъ дальше, тѣмъ больше грузъ обрядности беретъ перевѣсъ надъ религіозною жизнью въ *духъ*, т. е. форма надъ содержаніемъ, внѣшнее надъ внутреннимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигается на первый планъ господство предвзятыхъ традиціонныхъ возрѣній, обнаруживается косность религіозно-умственной жизни, то это не можетъ смущать протестантскаго историка. Онъ рассматриваетъ преобладаніе такихъ явленій, какъ періодъ переходный. Жизнь никогда не идетъ путемъ безусловнаго прогресса. Въ ней есть какъ бы остановки, роздыхи, но эти остановки лишь до поры до времени. И дѣйствительно, протестантскій историкъ, по обзорѣни этого періода, съ его точки зрѣнія, періода замиранія церковно-исторической жизни, встрѣчается съ другимъ періодомъ въ той же церковно-исторической жизни, періодомъ реформаціи. Жизнь церковно-историческая снова начинаетъ бить ключемъ. Какъ скоро случилось это явленіе, т. е. реформація— жизнь протестантскаго общества безостановочно идетъ впередъ. Протестантскій историкъ не можетъ приходить въ смущеніе и затрудненіе отъ вопроса: есть ли прогрессъ въ церковно-исторической жизни? Борьба религіозныхъ обществъ въ протестантской средѣ изъ-за вопросовъ религіозныхъ, борьба серьезная и живая, развитіе богословской литературы во всѣхъ ея отрасляхъ, живость и свѣжесть идей, запросовъ, предъявляемыхъ наукой; могущественное вліяніе религіи на коренное измѣненіе жизни общественной во всѣхъ отношеніяхъ, степень плодотворности вліянія религіи въ общественной и частной жизни и пр.—все это явленія, на которыя историкъ—протестантъ укажетъ, какъ на несомнѣнные факты прогресса въ церковно-исторической жизни. Протестантскій историкъ нашего времени въ доказательство прогресса въ христіанской церкви можетъ указать въ особенности на необыкновенное непримѣрное процвѣтаніе богословской литературы въ своихъ обществахъ, и онъ будетъ тѣмъ основательнѣе, тѣмъ увѣреннѣе въ своемъ доказательствѣ, что всякій легко можетъ провѣрить подобный аргументъ, и этотъ

послѣдній окажется несомнѣнно вѣрнымъ: литература богословская у протестантовъ по глубинѣ, богатству и разнообразію и научному критицизму, ничѣмъ не стѣсняемому, превосходитъ богословскую литературу прочихъ церквей. Прогрессъ религіознаго мышленія здѣсь слишкомъ ясенъ, очевиденъ; а главное—этотъ историкъ можетъ доказать, что этотъ прогрессъ возникъ на почвѣ самой протестантской церкви, а не есть плодъ вліяній со стороны, есть самостоятельный продуктъ, а не есть переноска и пересадка чужихъ трудовъ въ свою сферу. Само собой разумѣется, разсматривая свои общества, какъ высшее проявленіе церковно-исторической жизни, протестантскіе историки не признаютъ истинно-христіанской жизни въ обществахъ въ отношеніи къ нимъ инославныхъ. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что протестантскій историкъ безъ особенной натяжки, съ достаточною правдивостію можетъ утверждать, что въ церковно-исторической жизни есть прогрессъ и прогрессъ осязательный.

Теперь въ какомъ положеніи къ разсматриваемому вопросу находятся историки римско-католическіе или латинскіе. Они какъ мы сказали, менѣе счастливы въ его разрѣшеніи. Истинный центръ, около котораго сосредоточивается весь интересъ церковной исторіи у писателей римско-католическихъ, есть папство. Историкъ католическій въ исторіи развитія папской власти находитъ основную точку зрѣнія на преуспѣяніе церкви въ ея исторической жизни. Дѣйствительно, папство есть историческій фактъ несомнѣнной важности. Идея о папствѣ создалась путемъ долгой борьбы, а извѣстно: гдѣ борьба, тамъ и развитіе. Исторія показываетъ, какъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ эта идея изъ зерна горчичнаго, незамѣтнаго явленія, доросла до грандіозныхъ размѣровъ. Нельзя сказать, чтобы эта идея не продолжала своего развитія и въ наши дни. Недавнее, въ 1870 году, провозглашеніе папской непогрѣшимости на вселенскомъ латинскомъ соборѣ—Ватиканскомъ лучшее доказательство того, что идея эта растетъ и растетъ, и, можетъ быть, съ теченіемъ времени еще болѣе вырастетъ. И такъ, если папство есть центральное явленіе римско-католической церкви и если папская идея имѣетъ теперь, имѣла прежде и въ будущемъ обѣщаетъ ростъ и развитіе, то историкъ католическій не остается безотвѣтенъ

при вопросѣ: въ чемъ заключается прогрессъ церковно-исторической жизни? Папство, съ его исторіей даетъ готовый отвѣтъ на вопросъ.

Подъ перомъ писателя паписта церковная исторія можетъ принимать величественный образъ усиленія, возрастанія могущества римско-католической церкви вмѣстѣ съ усиленіемъ и возрастаніемъ папской идеи. Стоитъ только поставить папскую идею центральнымъ пунктомъ исторіи и этой идеѣ подчинить всѣ другія явленія церковной жизни и выйдетъ исторія стройная, величественная: исторія не будетъ чужда показаній о прогрессѣ, ростѣ церковно-исторической жизни.

Католическій историкъ, въ сознаніи важности и значенія папства, можетъ строго отнестись и къ исторической судьбѣ протестантовъ, отпадшихъ отъ союза съ своею матерью—церковію латинскою, можетъ указать и на прискорбныя явленія въ протестантствѣ (а гдѣ ихъ нѣтъ?), объясняя ихъ происхожденіе пренебреженіемъ со стороны протестантовъ въ отношеніи католической церкви или что тоже папства. Онъ можетъ съ другой стороны и поплакаться надъ судьбой православно-восточной церкви, по возрѣнію римско-католика омертвѣвшей и закоснѣвшей, вслѣдствіе своего сепаратизма, отторженія отъ римско-католической церкви, ея могущественной и вліятельной сестры. Всѣ такіе строгіе приговоры и сѣтованія, хотя и не будутъ имѣть непоколебимаго основанія, но могутъ находить въ читателѣ исторіи латинской церкви, адептѣ этой своей церкви, довѣріе и признаніе ихъ справедливости. Въ положеніи другихъ церквей римско-католическій историкъ можетъ усматривать отрицательное доказательство величія папской идеи.

Но мы сказали, что католическій историкъ все таки менѣе счастливъ въ разрѣшеніи вопроса: есть ли прогрессъ въ церковно-исторической жизни и въ чемъ онъ заключается? Въ самомъ дѣлѣ, хотя такое явленіе, какъ папство, и есть безспорно важнѣйшій фактъ церковной исторіи, тѣмъ не менѣе этотъ фактъ чисто внѣшній. Если идея папства имѣетъ развитіе въ исторіи, то отсюда не слѣдуетъ, что развивается сама церковь. Прогрессъ церковно-исторической жизни долженъ заключаться въ развитіи самой христіанской жизни, въ полнотѣ и широтѣ раскрытія христіанскаго духа. Историкъ протестантъ, оставаясь на своей точкѣ зрѣнія, можетъ

указать такой прогрессъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и учрежденіяхъ протестантскихъ обществъ, въ религіозной жизни и поведеніи протестанта-христіанина, пусть это будетъ прогрессъ условный,—онъ, протестантъ, покажетъ и докажетъ, что вѣра его церковныхъ обществъ чужда средне-вѣковыхъ суевѣрій, что церковныя учрежденія здѣсь направлены къ удовлетворенію потребностей религіознаго духа, что религіозному знанію у нихъ открывается широкій и необъятный путь въ изслѣдованіи религіозной истины во всѣхъ отношеніяхъ и проч. Между тѣмъ какъ католическая церковь не допускаетъ никакого прогресса въ развитіи христіанской догматики, или христіанскихъ вѣрованій, за исключеніемъ сепаративныхъ и исключительныхъ: католики вообще не гонятся за совершенствомъ богословской науки у себя, и не дозволяютъ видоизмѣненій и свободы въ практической жизни христіанства. Однажды установленное, однажды принятое, однажды признанное должно оставаться съ точки зрѣнія этой церкви непоколебимымъ. Дѣйствительнаго прогресса католическій писатель не можетъ указать въ церковной исторіи, какъ это дѣлаетъ протестантъ. Да и само папство стоитъ ли въ общественномъ сознаніи такъ высоко, какъ это было прежде?

Въ какомъ же положеніи можетъ находиться и находится историкъ православно-восточной церкви? Можетъ ли онъ доказать и показать, что исторія церковная съ его точки зрѣнія есть свидѣтельница неизмѣннаго прогресса въ жизни христіанскихъ народовъ? Прежде всего нужно сказать, что онъ конечно не можетъ усвоить себѣ тѣхъ идеаловъ, какими живетъ церковная исторія, какъ наука, у протестантовъ и римско-католиковъ. Съ ихъ точки зрѣнія вся исторія восточной церкви, съ болѣе или менѣе раннихъ временъ ея, представляется или какъ носительница отсталыхъ мертвенныхъ началъ (такова точка зрѣнія протестантовъ), или какъ закоренѣлое отпаденіе отъ истины (такова точка зрѣнія римско-католиковъ). Указанныя точки зрѣнія на исторію церкви—протестантская или католическая для историка православно-восточной церкви поэтому непригодны. Отсюда очевидно, что этотъ историкъ долженъ имѣть свою точку зрѣнія на прогрессивное движеніе церковной жизни. Въ чемъ же она заключается? Вопросъ трудный. Какая изъ современныхъ

православныхъ церквей служить носительницей религіознаго прогресса? Въ чемъ выражается этотъ прогрессъ? Великъ ли и какъ великъ онъ? Какіе пути въ теперешней церковной жизни ведутъ къ нему? Какіе идеалы преслѣдуетъ восточно-православная церковь? Какія средства употребляетъ эта церковь для ихъ осуществленія? Въ какомъ отношеніи совокупность этихъ идеаловъ стоитъ къ совокупности идеаловъ, руководившихъ церковь въ лучшую ея древне-христіанскую эпоху? Вотъ вопросы, которые слѣдуетъ уяснить для себя историку, стоящему на точкѣ зрѣнія православно-восточной церкви и желающему изслѣдовать прошедшія судьбы христіанства. Но вопросы эти очень и очень не легкіе. Въ православно-восточной церкви, какъ ни обширна она по своимъ размѣрамъ и народностямъ, къ ней принадлежашимъ, даже нѣтъ историковъ, которые дѣйствительно изучили бы прошедшую жизнь христіанства съ чисто-научной точки зрѣнія. Безъ сомнѣнія Россія и ея сыны представляютъ собой лучшихъ овецъ изъ стада православно-восточной церкви. И однакожь въ Россіи не было и прежде, не явилось и теперь ни одного серьезнаго историка, который взялся бы за разрѣшеніе вышеуказанныхъ вопросовъ. Между тѣмъ, какъ скоро эти вопросы не разрѣшены, не возможно и составить себѣ надлежащаго представленія о церковной исторіи какъ наукѣ, потому что нельзя будетъ уяснить себѣ, куда идетъ и къ какой цѣли должна идти греко-восточная церковь?

Россія не имѣетъ ни одного знаменитаго имени какого-либо историка, который объяснилъ бы ей: что составляетъ сущность, главную цѣль, центръ, импульсъ церковно-исторической жизни. Ни одинъ историкъ не обозрѣлъ доселѣ исторіи церковной съ точки зрѣнія идеаловъ греко-восточной церкви. На вопросы нами поставленные ни откуда не слышится яснаго отвѣта. Да и возможно ли стройное, законченное, прагматическое обозрѣніе исторіи церкви для православнаго богослова, историка? Какой въ самомъ дѣлѣ дѣйствительный центръ церковно-исторической жизни можно указать въ средѣ православно-восточныхъ христіанъ? Извѣстно, что такимъ центромъ для протестантовъ служитъ Германія, для католиковъ—Римъ. Изъ этихъ центровъ выходятъ руководящія нити для западныхъ церквей. Здѣсь соз-

даются идеалы церковные, къ которымъ и стремятся прочія общества католическія или протестантскія — посредственно или непосредственно. Какой же центръ церковно исторической жизни можно указать для православно-восточной церкви? Гдѣ онъ лежитъ? Въ чемъ выражается его вліяніе на прогрессъ церковной жизни христіанскаго общества, великъ или невеликъ этотъ прогрессъ? Укажутъ ли на Византію, на теперешнюю церковную Византію, но кто можетъ сказать: въ чемъ заключается ея служеніе прогрессу? Какіе законы для церковнаго благоустройства издаются въ Византіи? Какими идеями одушевленъ тамошній патріархъ, тамошній синодъ, духовенство вообще и народъ греческій? На всѣ эти вопросы нельзя получать успокоительныхъ и отрадныхъ отвѣтовъ. Не мало недостатковъ было въ греческой церкви и до времени великой катастрофы въ жизни этой церкви—разумѣемъ турецкое порабощеніе. Послѣ же этого событія дѣла здѣсь пошли еще хуже. Съ увѣренностію можно сказать, что Греки новѣйшаго времени неисцѣлились отъ своихъ старыхъ недуговъ, а лишь приумножали ихъ безъ мѣры и числа. Всякіе идеалы, которыми и красна жизнь, изсякли; религіозное знаніе, составляющее важнѣйшій стимулъ въ церковной жизни cadaго народа, померкло. Великія имена знаменитѣйшихъ церковныхъ писателей древности сдѣлались лишь именами календарными: великія имена никого не стали воодушевлять, оставаясь какимъ-то внѣшнимъ декорумомъ. Почти вся литературная дѣятельность церковныхъ представителей греческаго народа ограничивалась полемикою съ латинянами и протестантами, но полемика эта была бесплодна и бездушна. Съ латинянами полемизировали такъ, какъ будто это были давно отжившіе паписты 9-го, 10-го вѣковъ. За тѣми измѣненіями, какія происходили въ римско-католическомъ мірѣ и которыя давали поводъ для живой и плодотворной полемики, никто не слѣдилъ. Поэтому борьба съ латинянами была суха, оффиціальна и формалистична—и въ сущности ни для кого не нужна. Мало этого: полемика эта была иногда просто нелѣпа и заставляетъ краснѣть за Грековъ, рассчитывавшихъ обезоружить папистовъ выдумками и бабьими баснями,—выдумками и баснями, къ сожалѣнію вошедшими въ самыя важныя церковныя ихъ книги, въ пидаліоны, т. е. кормчіи, въ книги, имѣющія

руководственное значеніе въ церковной жизни. Быть можетъ еще болѣе ничтожна полемика Грековъ новѣйшаго времени съ протестантствомъ. Протестантство было явленіемъ новымъ и многознаменательнымъ и потому должно было бы привлечь къ себѣ вниманіе греческихъ богослововъ и представителей церкви. Ничего такого однакожь не случилось. Они поняли только одно: что протестантство, несмотря на вражду съ папствомъ, далеко отъ православія (а это понимаетъ всякій!) и ограничиваются тѣмъ, что на разные лады бранятъ „нечестивыхъ лютеранъ“, какъ будто это какіе-то аріане или несторіане древнихъ временъ. Грекамъ или греческой церкви новѣйшей эпохи представлялся прекрасный случай заимствовать отъ протестантовъ то, что есть наилучшаго у нихъ,—ихъ науку богословскую, отстраняясь однакожь отъ ихъ отступленій въ области вѣры, но ничего такого они не умѣли, да и не хотѣли сдѣлать. Если бы Греки своевременно усвоили серьезную богословскую науку, созданную протестантскою трудолюбивою мыслию, то это безъ сомнѣнія весьма полезно было бы и для церкви русской: эта послѣдняя могла бы признаться отъ родственной церкви западную науку, не дожидаясь случая самой знакомиться съ этой наукой въ послѣднее время при менѣе благопріятныхъ условіяхъ,—разумѣемъ: сильно обострившіяся междуцерковныя отношенія. Нужно еще прибавить, что жизнь греческой церкви послѣдняго періода ея существованія — жизнь въ широкомъ смыслѣ слова — не представляла и не представляла ничего особенно-отраднaго и религіозно-высокого. Теченіе церковной жизни обмельчало. Напрасно было бы искать здѣсь многихъ и зрѣлыхъ плодовъ. Извѣстный знатокъ христіанскаго Востока русскій епископъ Порфирій, по фамиліи Успенскій, находитъ, что греческую церковь справедливо упрекаютъ въ безплодіи: „она не Сарра, а Сара“, по выраженію этого многоопытнаго историка; т. е. греческую церковь онъ называетъ тѣмъ именемъ, которымъ именовалась Сарра до рожденія ею Исаака, патріарха Израильскаго народа. За отсутствіемъ высшихъ интересовъ, которые даютъ жизни смыслъ и цѣль, греческая церковь и ея представители тратятъ свои душевныя и нравственныя силы на дѣло непохвальное: взаимныя интриги и погоня за матеріальными благами поглащаютъ ихъ вниманіе. Народъ, естественно,

тоже не стоитъ на высотѣ христіанскаго призванія. Внѣшнее благочестіе, привязанность къ внѣшней обрядности, суевѣрія, невѣжество, изрѣдка индифферентизмъ—вотъ главное, къ чему больше всего сводится проявленіе религіознаго начала у греческаго народа. Изъ сейчасъ сдѣланной нами характеристики Греко-восточной церкви новѣйшаго времени открывається, что эта церковь по своему состоянію не только не служитъ показателемъ какого либо ошутительнаго прогресса въ религіозной жизни, но едва-едва заслуживаетъ изученія по своему малому значенію и достоинствамъ. Византійская церковь настоящаго времени не служитъ центромъ, импульсомъ для Востока, т. е. для всей восточно-православной церкви. Тѣхъ, кто пессимистически смотритъ на положеніе греческой церкви, обыкновенно утѣшаютъ сосбраженіемъ, что греко-восточная церковь можетъ имѣть свое значеніе, и пожалуй большое, въ будущемъ; но подобнаго рода утѣшенія однакожь ничего не дають для историка въ настоящемъ. Церковная Византія стоитъ передъ нами лишь какъ замѣчательный обломокъ замѣчательнаго прошлаго въ области церковно-исторической. Спрашивать же съ нея служенія церковному прогрессу, церковнымъ пользамъ и интересамъ въ высшемъ смыслѣ вовсе нельзя.

Можетъ быть, Россія служить тѣмъ центральнымъ мѣстомъ восточно-православной церкви, гдѣ сосредоточиваются силы этой церкви? Не здѣсь ли, быть можетъ, тотъ центръ, куда сходятся всѣ нити прошедшей исторіи церковной, имѣющія важное значеніе въ глазахъ членовъ восточной церкви; не здѣсь ли наиболѣе могучее біеніе церковно-исторической жизни Востока?

Что русская церковь стоитъ выше другихъ отдѣльныхъ восточныхъ церквей по своему относительному развитію, внѣшнему благосостоянію и религіозной энергіи, это едва ли дѣло спорное. Но тѣмъ не менѣе смотрѣтъ на Россію, какъ на кульминаціонную точку въ восточной церкви, въ исторіи православнаго греко-восточнаго христіанства—едва ли можно. Въ настоящее время мы почти вовсе не знаемъ, да и знать не хотимъ православнаго Востока съ его патріархами, мы игнорируемъ и Востокъ и его церковную жизнь. Мы живемъ изолированно отъ Востока, совершенно внѣ связей съ нимъ. Вопросы Востока для насъ въ церковномъ отношеніи

почти чуждые вопросы. Мы пожалуй ближе стоимъ и по вззрѣніямъ, и стремленіямъ и по своимъ запросамъ къ Западу, чѣмъ къ Востоку. Насъ едва ли можно назвать истинными преемниками той культуры, какая создалась въ древне-греческой церкви или что тоже въ лучшую пору греческой церкви. Этого мало. Русская церковь не носитъ никакихъ яркихъ признаковъ процвѣтанія въ ней церковной жизни. Богословская наука въ ней слаба, безцвѣтна, и совсѣмъ не выработала нормъ, къ которымъ ей слѣдуетъ стремиться. Управление въ ней лишено главнаго, что даетъ извѣстной церкви, правильно функционирующей, оживленіе и возбужденіе, въ ней нѣтъ соборности: она не имѣетъ ни обычая, ни навыка обсуждать общественнымъ голосомъ собора церковные вопросы и нужды, не смотря на ихъ важность. Борьба съ иновѣріемъ, сектами, расколомъ идетъ туго, велась, и ведется пожалуй и сію минуту, больше всего содѣйствіемъ гражданской власти. Религіозная жизнь не обладаетъ большою интенсивностію, обнаруживается въ шаблонныхъ формахъ, движется по инерціи, не глубока и часто носитъ слѣды односторонности. Едва ли по всему этому русскую церковь можно считать и признавать настоящимъ центромъ церковно-исторической жизни православнаго міра. Еще менѣе можно говорить о какой-либо другой изъ восточныхъ церквей, церквей славянскихъ и считать ее за прямую продолжательницу лучшихъ сторонъ греческой церкви древняго времени и за теперешнюю носительницу церковнаго прогресса.

Такимъ образомъ историкъ Восточной церкви остается въ полномъ затрудненіи, если бы захотѣлъ охватить своимъ взоромъ исторію христіанскую въ полномъ ея видѣ, руководясь строго-опредѣленными и послѣдовательно развивающимися идеалами своей восточной церкви. Въ церкви восточной мы не видимъ подобнаго живаго преемства руководящихъ идей, глубоко сознанныхъ идеаловъ, даже не видимъ *выдающагося значенія какой-нибудь одной церкви*, которая была бы настоящей выразительницей церковно-историческаго прогресса. Для историка православно-восточной церкви невозможно такое историческое обозрѣніе прошедшихъ судебъ христіанской церкви, какое имѣетъ мѣсто у историка протестанта и католика.